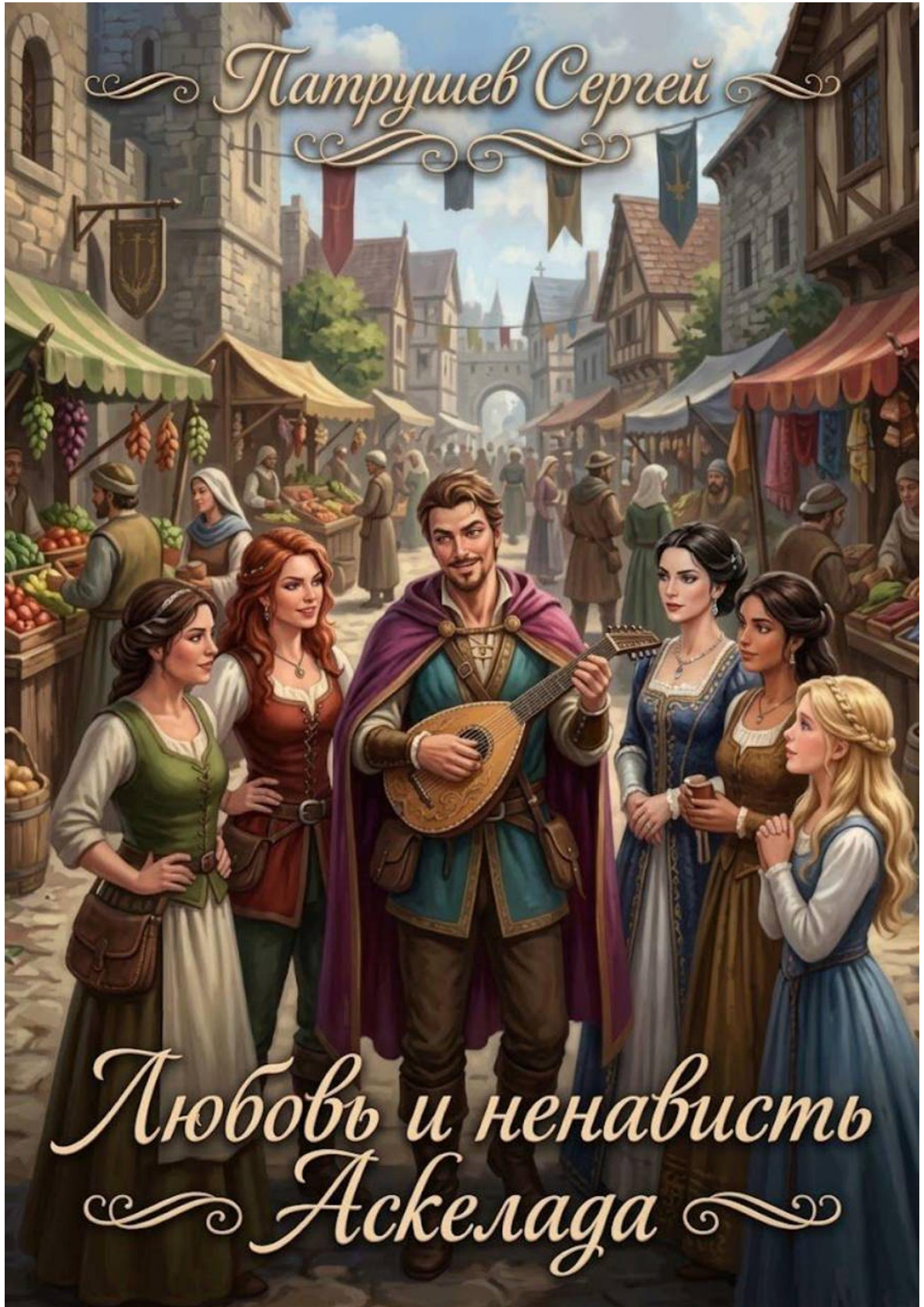

Патрушев Сергей

Любовь и ненависть
Аскелада

Сергей Патрушев

Любовь и ненависть Аскелада

«Автор»

2026

Патрушев С.

Любовь и ненависть Аскелада / С. Патрушев — «Автор», 2026

Аскелад — Золотой Голос Кальдира, бард, чьи песни развязывают войны и исцеляют души. Он оружие в руках Тени Морриган, игрушка Императора и любовь четырёх несовместимых женщин: ледяной целительницы Изольды, яростной наемницы Валькирии, невинной принцессы Астерии и огненной Лираэль. Лишённый голоса проклятием, он должен вернуть его, пройдя через предательство, магию и дворцовые интриги. Но когда талант становится проклятием, а любовь клеткой, даже самая красивая песня может стать приговором.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотой Голос Кальдира	5
Глава 2. Свадьба Селестины	10
Глава 3. Целительница с печальными глазами	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Патрушев

Любовь и ненависть Аскелада

Глава 1. Золотой Голос Кальдира

Свет в «Саду Семи Грехов» стоил дороже, чем кровь на арене. Он не падал с потолка, а сочился сквозь витражные стекла, выложенные в форме переплетенных обнаженных тел, окрашивая табачный дым в оттенки перспелой вишни, королевского пурпура и гниющего золота. Это был самый роскошный бордель столицы Доминиона Кальдира, место, где имперские легаты спускали годовое жалованье за одну ночь, а герцоги теряли короны, не замечая этого в угаре дурман-травы и чужого экстаза.

Аскелад стоял на возвышении в центре главного зала, и весь этот чудовищный, пахнувший мускусом и деньгами мир вращался вокруг него. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки из черного шелка и тяжелой серебряной цепи на шее, звенья которой были выкованы в виде стонущих лиц. Его тело, бледное и совершенное, словно высеченное из лунного мрамора лучшим скульптором Империи, блестело от пота. Но люди смотрели не на его тело. Они смотрели в его глаза — два провала, наполненных жидким, гипнотическим янтарем.

Он не пел. Пение — это удел уличных пташек и кастратов из Императорской Оперы. Аскелад говорил. Его голос был инструментом, настроенным на самые темные струны человеческой души. Он не повышал тона, но каждое его слово падало в звенящую тишину зала, перекрывая звон бокалов, влажные шлепки плоти о плоть в закрытых кабинетах и пьяный смех.

— Вы думаете, что свободны, — начал он, и его бархатный баритон заставил ближайшего легионера уронить кубок с вином. — Вы сидите в самом дорогом лоне Кальдира, вы сжимаете в потных ладонях сиськи шлюх, купленных на налоги с северных рудников, и мните себя хозяевами жизни. Вы смотрите на этот янтарный свет и думаете, что купили его.

Аскелад медленно повел рукой. На его пальце вспыхнул перстень с черным ониксом. Толпа, до этого шумная и разнузданная, подалась вперед. Дурман-трава в их кальянах вдруг перестала действовать, счищая пелену опьянения и оставляя лишь звенящую, пугающую ясность.

— Вы купили дерево. Стекло. Шелк, в котором до вас потели сотни чужих тел. Вы купили право закрыть за собой дверь. Но вы никогда не купите то, что заставило вас сюда прийти. Вы пришли не за сексом. Секс дешев. Его можно взять силой в подворотне. Вы пришли за иллюзией того, что вас хотят. За иллюзией того, что в этой выгребной яме под названием Доминион вы все еще что-то значите.

Из-за столика у сцены поднялся тучный торговец пряностями, чья туника лопалась на животе. Лицо торговца было красным от вина и гнева. — Ты смеешь читать нам мораль, голый шут?! — рявкнул он, брызгая слюной. — Я владею складами в порту! Я кормлю половину этого города! Я прикажу своим людям содрать с тебя кожу!

Аскелад даже не повернул головы. Он лишь улыбнулся, и эта улыбка была острее бритвы. Он посмотрел прямо в глаза торговцу, и янтарь в его зрачках вдруг потемнел, впитывая свет. — Ты кормишь город падалью, толстяк, — произнес Аскелад так тихо, что его услышал только торговец. Казалось, голос прозвучал прямо внутри черепа купца. — Твои склады гниют. Твои векселя — пыль. Твоя жена в Верхнем Круге берет уроки игры на арфе у слепого музыканта, и когда ты возвращаешься домой, от тебя пахнет дешевым вином и страхом перед имперским аудитором. Ты не владеешь складами. Склады владеют тобой. Сядь. И пей свое кислое вино. Оно единственное, что у тебя осталось настоящего.

Торговец замер. Кровь отхлынула от его лица, сделав кожу серой, как пепел. Он моргнул, тяжело опустился на скамью, схватил свой кубок и залпом осушил его, расплескав вино на грудь. Он больше не проронил ни слова. Он смотрел на Аскелада с ужасом и благоговением первобытного дикаря, увидевшего бога.

— Империя, — продолжил Аскелад, обводя зал своим потусторонним взглядом, и его голос снова набрал силу, заполняя каждый угол «Сада Семи Грехов». — Великая, несокрушимая, вечная. Она присылает сюда своих орлов на знаменах и своих псов в стальных доспехах. Нам говорят: «Покой. Закон. Порядок».

Он сделал шаг вперед, спускаясь с помоста прямо в зал. Дорогу ему уступали инстинктивно, как уступает пространство змея. — Посмотрите на этот порядок. — Он указал на двух легионеров в золоченых нагрудниках, которые тискали в углу темнокожую рабыню. — Их закон запрещает сношаться на посту. Но их закон также велит им вырезать целые деревни в Пепельных пустошах, если те не заплатят дань вовремя. Какая удобная мораль. Они называют это «Служением Трону». Они называют это «Честью». Но я вижу другое. Я вижу страх.

Аскелад подошел к столу, за которым играли в кости трое молодых аристократов из Золотых Кланов Кальдира. — Вы ненавидите Империю, — сказал он, останавливаясь над ними. — Вы пьете за падение Сената. Вы прячете в подвалах старые знамена Кальдира. Вы мечтаете о том дне, когда легионы уберутся за Внутреннее море.

Один из аристократов, бледный юноша с тонкими, нервными пальцами, поднял на него затуманенные глаза. — А ты нет? — хрипло спросил он.

— Я — единственный честный человек в этом зале, — ответил Аскелад. Он наклонился и взял кости из руки юноши. — Вы ненавидите Империю за то, что она отняла у вас суверенитет. Но что вы сделали со своей свободой, когда ее получили? Вы просто создали свою собственную, маленькую, вонючую империю. Вы продаете своих сестер в южные гаремы ради торговых патентов. Вы травите отцов ради титула. Вы клянетесь в верности Золотому Клану, а сами считаете ножи в спине друг друга. Империя не поработила вас. Она просто пришла и навела порядок в том бардаке, который вы сами здесь устроили. Она дала вам правила. И вы возненавидели ее за эти правила, потому что они мешают вам жрать друг друга с еще большей скоростью.

Он бросил кости на стол. Выпала шестерка. — Вы не хотите свободы, — заключил Аскелад, выпрямляясь. — Свобода — это холодный ветер, который сдувает шелк с ваших плеч и обнажает гниющую плоть. Вы хотите теплой клетки. Вы хотите, чтобы кто-то большой и страшный говорил вам, когда молиться, когда убивать и сколько платить за право кончить на грудь рабыни. И вы платите мне сейчас не за слова. Вы платите мне за то, что я смотрю на вас и вижу вас насквозь, но не отворачиваюсь. Я — ваше зеркало. И оно вам нравится.

Зал взорвался. Но это не был гнев. Это была истерика. Кто-то рыдал, спрятав лицо в ладонях. Кто-то иступленно аплодировал, разбивая кожу на ладонях. Торговец прыжками снова попытался встать, что-то бессвязно мыча. Аскелад закрыл глаза, впитывая этот хаос, эту боль, этот страх и эту похоть, как сухая земля впитывает долгожданный дождь. Он питался этим. Его перстень с ониксом стал почти горячим.

Когда буря эмоций достигла пика, он резко открыл глаза и щелкнул пальцами. Звук был подобен удару хлыста. Тишина упала мгновенно, абсолютная и тяжелая.

— Довольно, — сказал он уже обычным, чуть усталым голосом. — Философия стоит дорого, но даже у Золотого Голоса Кальдира есть простые потребности. Мне нужен кров. Еда. И ванна, чтобы смыть с себя ваш липкий восторг.

Он сошел с помоста окончательно и направился к хозяйке заведения. Мадам Изольда сидела на своем бархатном троне у лестницы на второй этаж. Это была женщина без возраста, чье лицо было натянуто так туго, что казалось фарфоровым, а глаза напоминали два тусклых

медяка. Вокруг нее вилоь с десятков самых дорогих куртизанок, но сейчас они жались по углам, подальше от Аскелада.

Изольда не поклонилась. Она лишь медленно склонила голову, что в «Саду Семи Грехов» считалось высшим знаком уважения. — Твой язык режет лучше имперского гладиуса, странник, — произнесла она. Ее голос был прокурен и сух, как осенние листья. — Ты распро-
трошил моих лучших клиентов, и теперь они любят тебя больше, чем меня. Это... впечатляет. Золотая монета за выход из зала. Десять золотых за ночь в моих лучших покоях. Двадцать — если хочешь, чтобы твои слова смыли с тебя мои девочки.

Аскелад улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли угрозы, только бесконечное, почти детское очарование. Он подошел к ней вплотную, нарушая все границы приличий. Его янтар-
ные глаза оказались в пяди от ее фарфорового лица. Он взял ее руку — сухую, унизанную кольцами, способными купить целую провинцию — и поднес к губам. Но целовать не стал, лишь выдохнул воздух над ее кожей.

— Мадам, — прошептал он, и его голос снова изменился, становясь густым, как темный мед, обволакивая ее сознание. — Вы пытаетесь торговаться со мной. Это очаровательно. Вы оцениваете свои шелка, свои трубы с горячей водой и своих вышколенных девочек. Но вы смотрите на меня и видите лишь еще одного бродягу с хорошо подвешенным языком.

Он отпустил ее руку. Изольда моргнула, ее взгляд на секунду расфокусировался, а затем снова стал острым. — Я вижу человека, который завтра утром может висеть на воротах дворца с вырванным языком, — ровно ответила она, хотя хватка, с которой она вцепилась в подлю-
котники трона, выдала ее напряжение.

— Вы видите угрозу, — кивнул Аскелад. — Потому что ваш ум остер, а жизнь в Кальдире научила вас бояться всего, что нельзя купить. Но посмотрите на них. — Он повел подбородком в сторону зала. Торговец пряностями уже рыдал, обнимая колени какой-то рыжеволосой девки. Аристократы смотрели на Аскелада с собачьей преданностью. — Я мог бы забрать у них все. Их золото, их корабли, их волю к жизни. Я мог бы заставить этого толстяка отдать мне свои склады просто за то, что я назову его «великим».

Он сделал паузу, позволяя словам впитаться в тяжелый воздух. — Но я не взял у них ни медяка. Я взял их правду. Это утомляет, Изольда. Вычищать гной из чужих душ — тяжелая работа.

Он отступил на шаг и картинно развел руки, демонстрируя свое полуобнаженное тело. — Я не прошу ваших девочек. Их ласки — это ремесло. В ремесле нет тепла. Я прошу лишь то, что вы даете своим любимым псам. Теплую лежанку. Миску жирного, наваристого супа. И тишину. Я хочу тишину, в которой я смогу закрыть глаза и не слышать эхо их пороков.

Изольда долго смотрела на него. Она была хозяйкой самого порочного места в столице, она пережила трех имперских наместников, дюжину покушений и Великую Резню Кланов. Ее невозможно было очаровать. Но этот человек не очаровывал. Он просто снимал с реальности слой за слоем, пока не добирался до сути. И суть заключалась в том, что в ее борделе сидел не человек. В ее борделе сидела стихия.

— Рыжая, — бросила Изольда, не глядя на одну из своих лучших куртизанок. — Личная купальня хозяина. Самый острый суп с бараниной. И проследи, чтобы в его покоях сменили благовония на полынь. Он слишком сладко пахнет для моего дома.

Девушка в полупрозрачных шелках кивнула и метнулась вверх по лестнице.

— Ты не платишь золотом, — констатировала Изольда, когда они остались почти одни. Толпа внизу начала медленно, как пьяное стадо, расползаться по кабинетам, унося с собой яд его слов.

— Золото — это кровь Империи, — ответил Аскелад, присаживаясь на край ее трона, бесцеремонно и грациозно. — А я предпочитаю бартер.

— Какой же? — прищурилась мадам.

Аскелад наклонился к самому ее уху. От него пахло озоном, старым пергаментом и чем-то неуловимо древним, как запах из вскрытой гробницы. — Сегодня ночью, — выдохнул он, — когда самый пьяный легионер будет бить свою девку за то, что она не так на него посмотрела, он остановится. Он посмотрит на свои руки и впервые в жизни почувствует к ним отвращение. Когда юный аристократ пойдет писать донос на своего друга, он сожжет пергамент в пламени свечи. Когда торговец будет пересчитывать монеты, он заплачет, потому что поймет, что каждая монета — это чья-то невыплаканная слеза.

Он отстранился, и его янтарные глаза снова блеснули опасным огнем. — Они придут завтра к тебе, Изольда. Они придут пустыми. Они будут искать во мне утешения, но не найдут его, потому что я не продаю утешений. Я продаю пробуждение. И за это пробуждение ты даешь мне свою лучшую ванну и свой лучший суп. Это честная сделка. Разве нет?

Изольда хрипло рассмеялась. Смех был похож на скрежет камней. — Ты либо величайший мошенник, которого носила эта земля, либо сама Смерть, решившая начать свой обход с моего заведения, — сказала она. — В любом случае, ты останешься. Поднимайся. Твоя ванна готова.

Аскелад встал. Он поклонился ей — не раболепно, а с пугающим, почти королевским достоинством. — Смерть слишком торопится, мадам. У нее впереди вечность. Я же... я просто очень люблю комфорт.

Он поднялся по мраморной лестнице, застеленной шкурами невиданных зверей. Его босые ступни не издавали ни звука. Следом за ним, словно тень, скользнула Рыжая, неся в руках медный кувшин с горячей водой и кусок черного мыла.

В личных покоях «Сада Семи Грехов», куда допускались лишь избранные, пахло миррой и ладаном. Огромная медная лохань, утопленная в пол, уже наполнялась паром. Аскелад сбросил с себя остатки шелка и опустил в обжигающую воду.

Рыжая стояла поодаль, боясь дышать. Она видела сотни мужчин. Великие воины, истекающие кровью. Богатые купцы, хвастающиеся силой. Принцы крови, требующие невозможного. Но этот человек в горячей воде, закрывший глаза и подставивший лицо под струю, которую она лила из кувшина, излучал абсолютное, непоколебимое спокойствие. Спокойствие хищника, который только что сытно поел и теперь переваривает добычу.

— Господин... — осмелилась прошептать она. — Вы говорили о пробуждении. Это... магия? Вы из этих новомодных колдунов с востока?

Аскелад приоткрыл один глаз. Янтарь потускнел, став почти человеческим. — Магия — это когда ты ломаешь законы мира, малышка. Ты заставляешь огонь гореть без дров или превращаешь воду в лед. Это грубо. Это оставляет следы. Маги кричат, машут руками и истощают себя.

Он взял из ее рук кусок черного мыла, пахнувшего дегтем и полынью. — То, что делаю я, — это не магия. Это акустика. Архитектура души. Я просто нахожу в человеке трещину — а она есть в каждом, кто дышит воздухом Кальдира под властью Империи — и дую в нее. Я лишь помогаю стене рухнуть под собственным весом.

Он начал намыливать свои бледные плечи. Вода мгновенно стала серой. — Империя построила этот город на страхе. Золотые Кланы пытаются удержать его на жадности. Мадам Изольда греет руки на похоти. А я... я просто показываю им, что фундамент давно сгнил. Это не колдовство. Это здравый смысл, произнесенный правильным голосом в правильное ухо.

Он посмотрел на девушку, и его взгляд снова потяжелел. — А теперь иди. Запри дверь. И скажи своей хозяйке, что если кто-то из ее пьяных ублюдков решит проверить, так ли хорош Золотой Голос в постели, как на сцене, она потеряет не только клиента. Она потеряет глаз. Я не делюсь своим комфортом.

Рыжая присела в глубоком, торопливом книксене и метнулась к двери. Щелкнул тяжелый бронзовый замок.

Аскелад остался один. Он откинулся на край лохани, и пар окутал его с головой.

За стенами «Сада Семи Грехов» шумела столица Доминиона. Ревели трубы закрывающихся кабаков, где-то в порту избивали раба, по брусчатке грохотали сапоги ночной стражи, вершащей имперский закон. Кальдир гнил, процветал, убивал и совокуплялся. Он был идеальным котлом для варки человеческих пороков.

Аскелад закрыл глаза. Суп еще не принесли, и желудок неприятно сводило от голода. Но это была приятная боль. Боль перед охотой.

Он не был демоном. Демоны примитивны, они хотят лишь разрушения. Он не был и святым — от одного этого слова его бы стошнило.

Аскелад был зеркалом. И в Империи, где каждый носил маску из золота, шелка или стали, человек, который безжалостно и с улыбкой показывает людям их настоящие лица, всегда будет самым опасным оружием. И самым дорогим развлечением.

В дверь тихо постучали. Не дожидаясь ответа, вошла одна из служанок, поставила на низкий столик у лохани глубокую миску, от которой валил пряный, густой пар, и кувшин терпкого красного вина.

Аскелад втянул носом запах баранины, шафрана и кориандра. Он улыбнулся.

Золотой Голос Кальдира был голоден. А город снаружи был полон тех, кто жаждал услышать его следующую песню.

Глава 2. Свадьба Селестины

Ванна в «Саду Семи Грехов» пахла полынью и дешевым щелоком. Вода остывала, а густой, наваристый суп, принесенный Рыжей, давно закончился, оставив на языке лишь жирную пленку и приятное тепло в желудке. Аскелад лежал в медной лохани, запрокинув голову на бортик, и смотрел на трещины в потолке сквозь полуприкрытые веки.

Тело помнило каждую ноту.

Золотые Клань Кальдира, имперские легаты и торговцы падалю в «Саду» — это всего лишь разминка. Это работа ножом в темной подворотне. Настоящее искусство, хирургия высшего порядка, требовало иной сцены. И Аскелад закрыл глаза, позволяя теплой воде Кальдира смениться ледяным мрамором Великого Дворца в сердце Империи.

Зал Тысячи Свечей не зря носил свое имя. В нем не было окон. Потолок, расписанный сценами покорения Древних Богов, терялся во мраке на высоте сорока локтей. Единственным источником света служили тысячи толстых восковых свечей, установленных в массивных золотых канделябрах. Они горели ровным, неестественно белым пламенем — магия Огненного Круга поддерживала их, не давая капать воску на головы пирующим.

Воздух здесь был густым, тяжелым и сладким до тошноты. Пахло розовым маслом, которым натирались куртизанки из Южного Гарема, дорогим сандалом, жареным павлином и тем особым сортом имперского высокомерия, который вырабатывается только в пятом поколении сенаторов.

Это была свадьба Селестины, единственной дочери Императора Тарквина VII, прозванного Беспощадным. Ее выдавали за Люциана из Дома Воронов, владельца Пепельных пустошей. Блестящая политическая сделка: Император получал контроль над беспокойным севером, а Люциан — доступ к казне и, что гораздо важнее, к телу принцессы, чья красота вошла в легенды еще до того, как у нее начались регулы.

Аскелад стоял на хорах, скрытый от глаз толпы бархатным балдахином. На нем была туника из серебряной парчи, настолько тонкая, что казалась второй кожей, и плащ цвета застывшей крови. Его волосы были уложены, а лицо покрыто слоем белил, скрывающим естественную бледность. Здесь, в самом сердце Империи, он не был Золотым Голосом Кальдира. Здесь он был «Голосом Трона», придворным бардом, собственностью Императора, вещью.

Внизу, на мозаичном полу, изображающем карту мира, где Империя занимала центральное место, пиновала элита.

Тарквин VII сидел на троне из черного обсидиана. Его лицо напоминало старую, потрескавшуюся глину, а глаза были абсолютно мертвыми. Он не ел. Он лишь смотрел на свою дочь, которая сидела по правую руку от него, и на ее жениха. В этом взгляде не было отцовской любви. Там был холодный расчет архитектора, проверяющего прочность свода новой купальни.

Селестина была прекрасна той пугающей, хищной красотой, что свойственна ядовитым цветам. Ее платье из живого лунного шелка стоило как годовой бюджет небольшого города. Шелк струился, меняя цвет от жемчужного до кровавого в зависимости от того, как падал свет, и казалось, что принцесса одета в жидкий свет.

Пир длился уже третий час. Гости были пьяны. Сенаторы громко обсуждали налоги на соль, генералы легионов хвастались количеством отрубленных голов в последней кампании на востоке, а жены аристократов томно обмахивались веерами из перьев птицы рух.

Тарквин поднял руку. Золотой кубок в его пальцах блеснул. — Спой нам, Аскелад, — прогремел его голос, лишенный всяких эмоций. — Спой о величии этого союза. Спой о том, как Дом Воронов склоняет выю перед Золотым Троном.

Аскелад шагнул из тени. Его появление было бесшумным, но по залу прошла волна. Десятки голов повернулись. Он не кланялся. При дворе знали: если Аскелад склонит голову ниже, чем на дюйм, его шея может не выдержать веса его же гордыни. Он лишь приложил два пальца к груди в знак приветствия и сел на табурет перед золотой арфой.

Он не коснулся струн.

Он просто начал говорить. Его голос, привыкший к прокуренным тавернам Кальдира, здесь, в идеальной акустике Зала Тысячи Свечей, обрел объем органа. Он заполнил каждый угол, проник в каждый кубок с вином, в каждое ухо, в каждую пору на коже гостей.

— Вы просите о величии, — начал Аскелад, и его глаза цвета янтаря обвели толпу. Он смотрел не на Императора. Он смотрел на женщин. — Вы просите о гимнах. О меди и бронзе. О марширующих легионах.

Он сделал паузу. В зале стояла такая тишина, что было слышно, как бьется сердце молодой служанки у дальней колонны. — Но союзы не куются в кузницах. Мечи ржавеют. Легионы распадаются от чумы и старости. Величайшие империи в истории рухнули не под ударами варваров. Они сгнили изнутри, когда их женщины перестали любить своих мужчин.

Первая жертва сидела в первом ряду. Леди Валерия, супруга Верховного Судьи Империи. Пожилая, высохшая женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, усыпанное драгоценностями. Она всегда сидела с поджатыми губами и осуждала всех, кто позволял себе дышать слишком громко.

Аскелад перевел на нее взгляд. Он не повысил голоса, но его тон изменился, став бархатным, интимным, словно он шептал ей на ухо в темноте спальни. — Посмотрите на Леди Валерию. Говорят, ее муж, Верховный Судья, не делил с ней ложе уже пятнадцать лет. Он предпочитает холодные объятия судебных свитков и жар молодых мальчиков-писцов.

По залу прошелестел изумленный вздох. Валерия побагровела, схватившись за сердце. Ее муж, сидевший рядом, дернулся, как от удара плетью. — Но ее тело, — продолжил Аскелад, и в его голосе появилась густая, обволакивающая хрипотца, — ее тело помнит. Оно помнит, каково это — быть желанной не за ее земли и не за связи ее отца, а просто за то, как она выгибает спину, когда смеется. Она носит эти рубины на шее, Верховный Судья, чтобы скрыть следы. Не от ваших рук. От своих собственных. Она трет кожу до крови, пытаясь содрать память о том, как однажды, тридцать лет назад, конюх прижал ее в сеновале. И это было единственное настоящее, что случилось в ее жизни. Она смотрит на Селестину и завидует не ее платью. Она завидует тому, что Селестину сегодня ночью будут любить. А ее — нет. И не любили никогда.

Леди Валерия издала странный, кричающий звук и рухнула в обморок. Прямо в руки своему онемевшему мужу.

Аскелад даже не моргнул. Его взгляд уже скользил дальше.

Следующей была Маркиза Изабелла, «Ледяная Лилия Севера». Ее брак с Генералом Марком был притчей во языцех — союз двух ледников, где страсть заменялась взаимным уважением и тактическими маневрами. Изабелла сидела прямо, ее спина была идеально ровной, а лицо — маской холодного презрения.

— Генерал Марк, — голос Аскелада стал жестким, как сталь. — Вы выиграли три войны. Вы командуете Северной Стеной. Ваши солдаты готовы умереть по щелчку ваших пальцев. Вы принесли Императору Пепельные пустоши.

Генерал, массивный мужчина с лицом, покрытым шрамами, нахмурился. Он не любил, когда его тыкали носом в его победы. — И что с того, бард? — пророкотал он. — А то, мой доблестный лев, — Аскелад улыбнулся, обнажая идеально ровные зубы, — что каждую ночь, когда вы возвращаетесь в свои покои, пахнувший кровью, потом и железом, ваша жена отворачивается к стене. Она позволяет вам взять свое, потому что так велит долг. Но ее глаза в этот момент пусты.

Аскелад снова сменил интонацию. Теперь он говорил так, как говорят любовники: — Изабелла, дитя мое. Неужели ты думала, что сталь может согреть? Ты смотришь на Люциана. Он молод. У него горячая кровь пустыни в жилах. Он смотрит на твою дочь Селестину, как хищник на добычу, но когда его взгляд скользит по тебе... ты видишь? В его глазах нет почтения. Там есть голод. Тот самый, первобытный голод, от которого подгибаются колени. Твой муж подарит тебе провинцию. Люциан подарит тебе ощущение того, что ты — кусок мяса, который вот-вот разорвут. И ты боишься этого, Изабелла. До дрожи в пальцах. Но хочешь этого больше воздуха.

Маркиза Изабелла медленно, очень медленно повернула голову. Ее «ледяное» лицо пошло красными пятнами. Она смотрела на Аскелада так, словно он был змеем в Эдемском саду. Ее губы приоткрылись, грудь под серебряным лифом начала часто вздыматься. Она забыла, где находится. Она забыла о своем муже. Весь мир сузился до этого янтарного взгляда на хорах.

Генерал Марк поднялся. Его рука легла на рукоять меча. — Ты мертвец, — прошипел он.

Но Аскелад его не слышал. Он уже плыл дальше по залу, нанизывая души на невидимую нить своего голоса, как бусины.

Он говорил с женой Казначая, заставив ее всхлипнуть, признавшись во влечении к молодому пажу, который чистит ей туфли. Он говорил с Герцогиней Элеонорой, вскрыв ее тайную страсть к флагаellation и вину из слез девственниц. Зал Тысячи Свечей превращался в палату для буйнопомешанных. Дамы рыдали, смеялись неестественным, истерическим смехом, рвали на себе шнуровку корсетов, пытаясь вдохнуть. Их кавалеры сидели бледные, с побелевшими костяшками пальцев на эфесах. Воздух искрил от едва сдерживаемой ярости и прорвавшейся, грязной, запретной правды.

Император Тарквин не двигался. Он смотрел на Аскелада, и в его мертвых глазах впервые за вечер промелькнуло что-то похожее на интерес. Он видел не просто барда. Он видел скальпель.

Аскелад дошел до кульминации. Его голос стал гипнотическим, пульсирующим, вводящим в легкий транс. Он смотрел прямо на Селестину. Рядом с ней сидел ее жених, Люциан. Красивый, надменный, с глазами цвета зимнего неба.

— Принцесса, — прошептал Аскелад, и этот шепот услышали все. — Ваше Высочество. Вы смотрите на своего будущего мужа. Он красив. Он силен. Он подарит вам детей, которые унаследуют этот мир.

Селестина, до этого державшаяся с королевской отстраненностью, вздрогнула. Ее лунное платье на мгновение вспыхнуло алым. — Но вы не смотрите на него, — продолжил Аскелад. — Вы смотрите на меня.

Люциан вскочил. Его лицо исказилось от ревности, столь внезапной и острой, что она была почти физической болью. — Как ты смеешь, бродяга?! — закричал он, выхватывая тонкий церемониальный клинок.

Аскелад не обратил на него внимания. Он продолжал смотреть в глаза Селестины. — Вы смотрите на меня, потому что я — единственный мужчина в этом зале, который не хочет вас. Я хочу вашу душу. Я хочу то, что прячется за этим платьем из лунного света и за вашим титулом. Вы — дочь Беспощадного. Вы выросли в клетке, прутья которой сделаны из золота. Вы никогда не знали мужчины. Вы знали лишь претендентов. Люциан хочет ваш трон через ваше лоно. Ваш отец хочет вашими руками удержать север. А я... я просто хочу, чтобы вы заплакали. Потому что принцессы тоже плачут, Селестина. Когда им очень, очень больно от того, что они никогда не узнают, каково это — быть просто женщиной, которую грубо берут на кухонном столе за пару медяков, и от этого она чувствует себя живее, чем на всех балах Империи.

Селестина закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись. Лунный шелк потемнел от слез. Это стало последней каплей.

Зал взорвался.

Это не был бунт. Это была ярость самцов, чью территорию пометили. Десятки мужчин — генералы, сенаторы, князья — вскочили со своих мест. Зазвенела сталь, выхватываемая из ножен. Переворачивались столы с золотой посудой. Кто-то из генералов уже бежал к храму, перепрыгивая через скамьи, с лицом, налитым кровью. Люциан, забыв о статусе, перемахнул через стол и начал карабкаться по колонне к Аскеладу, его клинок был готов выпустить барду кишки.

Аскелад плавно, словно в танце, поднялся с табурета. Он не стал бежать к лестнице. Вместо этого он шагнул к краю хоров.

Внизу, в десяти локтях под ним, стоял трон из черного обсидиана. И на этом троне сидел Император Тарквин.

Аскелад посмотрел прямо в мертвые глаза Тарквина. Он не просил помощи. Он бросал вызов.

— Мой Император, — громко, перекрывая рев толпы, произнес Аскелад. — Я показал вам, из чего сделана ваша Империя. Она сделана из прелюбодеяния, скрытого под шелком. Из ненависти, скрытой под клятвами верности. Из похоти, которая сильнее страха перед вашим топором.

Тарквин медленно, очень медленно поднял руку. Он не смотрел на разъяренную толпу, готовую растерзать барда. Он смотрел только на Аскелада.

Пальцы Императора сложились в странный, сложный знак. Это был не приказ страже. Это был знак «Стоп», отданный лично им.

И толпа замерла.

Генералы, уже готовые насадить Аскелада на мечи, застыли с занесенными клинками. Люциан замер на полпути к храму, его лицо все еще было искажено яростью, но ноги отказывались двигаться. Даже рыдающие женщины перестали всхлипывать, глядя на своего владыку с животным ужасом.

Тарквин перевел взгляд на свою дочь. Селестина все еще плакала, но теперь это были не слезы обиды. Это были слезы освобождения. Она впервые за свои восемнадцать лет почувствовала себя не куклой, а живым, кровоточащим существом.

— Он жив, — произнес Тарквин своим лишенным эха голосом. Слова упали в тишину, как камни в глубокий колодец. — Приведите его ко мне. Остальных... выпроводите. Праздник окончен.

Стража в золотых масках, личная гвардия Императора, шагнула вперед. Они не били гостей. Они просто двигались сквозь них, и аристократия, правящая половиной мира, расступалась перед ними, как трава перед плугом. Через две минуты Зал Тысячи Свечей был пуст. Остались только Император, его рыдающая дочь, Люциан, стоящий на коленях у подножия трона, и Аскелад, спускающийся по винтовой лестнице с хоров.

Когда Аскелад ступил на мозаичный пол, его серебряная туника была изорвана — кто-то из генералов все же успел зацепить его ногтями в попытке достать. На скуле наливался багровый синяк.

Тарквин сошел с трона. Его движения были медленными, но в них чувствовалась скрытая мощь змеи. Он подошел к Аскеладу вплотную. Император был на голову ниже барда, но сейчас казалось, что это Аскелад — ребенок, стоящий перед лицом вечности.

Тарквин протянул руку и коснулся синяка на лице Аскелада. Его пальцы были ледяными. — Ты едва не умер, — констатировал Император. — Смерть — это лишь смена декораций, — спокойно ответил Аскелад. — А я слишком люблю комфорт, чтобы менять его на вечность.

Тарквин позволил себе едва заметную кривую усмешку. — Ты опозорил моих генералов. Ты заставил мою дочь рыдать перед всей знатью. Ты чуть не спровоцировал резню в моем

тронном зале. — Я лишь сказал правду, — пожал плечами Аскелад. — Ту, которую вы и так знаете. Я просто сделал ее... слышимой.

— Ты сделал ее оглушительной, — Тарквин отпустил его лицо и повернулся к Люциану. — Встань, мальчик.

Люциан поднялся. Его трясло. — Он... он соблазнил ее! — выплюнул жених. — Он залез ей в голову! Мой Император, этот брак... — Брак состоится, — отрезал Тарквин. — Через час. И ты, Люциан, будешь благодарить этого человека. — Благодарить?! — задохнулся Люциан. — Да. — Император снова повернулся к Аскеладу. — Ты снял с нее корку, бард. Она была мертва под своим лунным шелком. Теперь она жива. И когда ты придешь в ее покои сегодня ночью, она не будет лежать бревном, ожидая, когда ты закончишь свой долг. Она посмотрит на тебя так, как смотрела на него. И если ты не сможешь выдержать этот взгляд, она сожрет тебя, Люциан. Моя дочь теперь знает вкус настоящей власти. Власти над чужой душой. Я дал ей этот урок в качестве свадебного подарка.

Тарквин указал на Аскелада. — А он... он останется.

Люциан побледнел еще сильнее, но смолчал. Спорить с Беспощадным было самоубийством, глупее которого было только спорить с его придворным бардом.

— Ты переходишь в полное распоряжение Короны, — сказал Тарквин Аскеладу. — Твоя арфа, твой голос и твои ядовитые речи теперь принадлежат мне. Ты будешь жить в Золотых Палатах. Тебе принесут лучшие вина. Тебе приведут лучших женщин... или мальчиков, если пожелаешь. — Я пожелаю тишины, — ответил Аскелад. — Тишина стоит дороже золота, — усмехнулся Император. — Но ты ее получишь. До тех пор, пока мне не понадобится, чтобы ты снова вскрыл Империю.

Тарквин развернулся и пошел к выходу, где его ждала безмолвная стража. У дверей он остановился. — Кстати, бард, — бросил он через плечо. — Твой побег со сцены был... неэстетичен. В следующий раз, когда толпа захочет тебя убить, умри красиво. Это входит в твои обязанности.

Двери закрылись.

Аскелад остался один посреди разгромленного зала. В воздухе все еще висел запах духов, вина и пролитой правды. Он подошел к своей золотой арфе. Один из струн был порван.

Он провел пальцами по оставшимся. Инструмент издал низкий, скорбный стон.

Аскелад посмотрел на свои руки. Они слегка дрожали. Выжигать души целыми залами — это требовало колоссального расхода внутренней силы. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, но под этой усталостью пульсировал азарт.

Он выжил. Он не просто выжил — он получил золотой билет в самое защищенное место в мире.

В кармане его изорванной туники что-то звякнуло. Аскелад сунул туда руку и достал маленькую брошь. Ее кто-то сорвал с корсажа в общей суматохе. Брошь в виде серебряной лилии — знак Дома Севера.

Аскелад усмехнулся. Маркиза Изабелла. «Ледяная Лилия».

Он повертел брошь в пальцах.

— Тишина, — повторил он вслух, пробуя слово на вкус. — В Золотых Палатах.

Он знал, что тишины не будет. Император Тарквин только что купил самую опасную гончую в мире и посадил ее на золотую цепь в своей прихожей. Но гончие имеют свойство срываться с поводка.

Аскелад спрятал брошь в карман и направился к выходу. Стража в золотых масках распахнула перед ним тяжелые створки, ведущие в лабиринты Императорского дворца.

Впереди ждала роскошь, которая могла свести с ума обычного человека. Но Аскелад не был обычным человеком. Он был оружием. И его ствол еще не раскалился добела.

Запах полынного мыла в медной лохани «Сада Семи Грехов» ударил в ноздри, возвращая его в реальность.

Аскелад резко сел, расплескивая воду. Сердце колотилось где-то в горле. Прошло пять лет с той свадьбы, а он до сих пор помнил вкус того имперского вина и ледяное прикосновение пальцев Тарквина.

Он выбрался из ванны, не стесняясь наготы. Вода стекала по его совершенному телу на мозаичный пол. Он взял льняное полотенце и начал растираться резкими, злыми движениями.

Свадебный пир Селестины был его величайшим триумфом и его величайшей ошибкой. Он думал, что играет с Императором. На самом деле это Император сыграл им. Тарквин использовал его, чтобы сломать собственную дочь, превратив ее из красивой куклы в потенциальную копию себя — в Беспощадную.

Аскелад накинул на плечи шелковый халат, брошенный Рыжей у двери.

В Кальдире он был Золотым Голосом. Шлюхи любили его, ревнивые мужи хотели его крови, а мадам Изольда давала ему суп за красивые слова. Это был честный, грязный, понятный мир.

В Империи он стал Призраком Трона. Его боялись больше, чем легионов. Его ненавидели больше, чем чумы. И выхода оттуда не было. Золотые Палаты были клеткой, прутья которой стоили дороже, чем свобода всего Доминиона, но от этого они не переставали быть прутьями.

— Господин? — в дверях снова появилась Рыжая. На этот раз она принесла сухую тунику из черного бархата. — К вам гость. Он не назвал имени, но у него глаза убийцы и перстень с печатью Сената.

Аскелад замер, уже просунув одну руку в рукав.

Сенат Кальдира. Политические враги мадам Изольды. Или, что гораздо хуже, ищейки, которых Тарквин прислал за своей пропавшей гончей. Пять лет — долгий срок, но такие долги, как долг перед Императором, не имеют срока давности.

— Где он? — спокойно спросил Аскелад, хотя внутри все сжалось в холодный комок. — В кабинете мадам. Она сказала, что если ты не выйдешь, она спустит его в канал вместе с его перстнем.

Аскелад позволил себе улыбнуться. — Мадам Изольда — мудрая женщина.

Он закончил одеваться. Черный бархат облегал его фигуру, подчеркивая каждый мускул. Аскелад провел рукой по волосам, приводя их в продуманный беспорядок, и подошел к небольшому серебряному зеркалу на стене.

Он посмотрел на свое отражение. Янтарные глаза в полумраке комнаты казались двумя осколками застывшего огня.

— Пойдем, — сказал он своему отражению. — Посмотрим, что прислала нам Империя. Или что осталось от Кальдира.

Он вышел из купальни, оставив за собой запах полыни и остывшую воду, в которой только что утонули призраки его прошлого. Впереди ждала политика, а в политике, как и в любви, комплименты редко бывают бесплатными.

Глава 3. Целительница с печальными глазами

Кабинет мадам Изольды пах деньгами, страхом и старыми книгами. В отличие от главного зала «Сада Семи Грехов», здесь не было места витражам с совокупляющимися фигурами и бархатной мишуре. Стены закрывали стеллажи из мореного дуба, забитые гроссбухами в кожаных переплетах, картами Доминиона с воткнутыми в них цветными булавками и склянками с дурманящими эссенциями.

За массивным столом красного дерева, освещенным лишь светом одинокой масляной лампы, сидела Изольда.

Аскелад видел ее сотни раз. Он видел, как она спускается в зал, чтобы собрать плату, — величественная, неприступная, похожая на мраморную статую, которую по ошибке надели способностью дышать. Он видел, как она одним движением брови вышвыривает за дверь зарвавшихся аристократов. Но сейчас, в полумраке своего кабинета, она выглядела иначе.

Ей было двадцать девять. По меркам Кальдира, где женщины из низов к тридцати превращались в беззубых старух от дешевого пойла и побоев, она была в расцвете. Но этот расцвет был осенним. Под ее глазами залегли тени, которые не могла скрыть даже дорогая пудра. Уголки идеально очерченных губ были опущены вниз не от презрения, а от хронической, въевшейся в кости усталости.

Гость сидел в кресле для посетителей. Он не встал при появлении Аскелада. Это был человек, сотканный из сумерек и плохого настроения. Серый дорожный плащ, потертый на плечах, высокие сапоги, покрытые пылью тракта, и руки — тонкие, нервные пальцы музыканта или убийцы, лежащие на подлокотниках. На пальце левой руки тускло блеснул перстень: серебряная змея, кусающая себя за хвост. Кольцо Сената Кальдира. Внутренний круг.

— Оставь нас, Изольда, — бросил гость, даже не повернув головы. Его голос был лишен интонаций, как у человека, который давно разучился удивляться.

Мадам не шелохнулась. Она смотрела на Аскелада поверх сцепленных в замок пальцев. — Он останется, — ровно ответила она. — В моем доме правила диктую я. Если Сенату есть что сказать моему Золотому Голосу, Сенат может говорить при свидетелях. Или не говорить вовсе.

Гость медленно повернул голову. Его глаза оказались светло-серыми, цвета мокрой гальки. В них не было ни злобы, ни интереса. Только бесконечная, сосущая пустота. — Твоя преданность похвальна, мадам. Но она плохо оплачивается. Золотой Трон Империи предлагает за голову твоего барда больше, чем ты заработаешь за три года торговли живым товаром.

Аскелад улыбнулся. Он прошел через весь кабинет, двигаясь с той ленивой грацией хищника, которая сама по себе была оскорблением для любого, кто считал себя хозяином положения. Он не поклонился посланнику Сената. Он подошел к столу Изольды, взял из хрустальной вазочки засахаренный миндаль, бросил орешек в рот и с вызывающим хрустом разгрыз его.

— Империя всегда была щедра на обещания, — промурлыкал Аскелад, разглядывая перстень гостя. — Но Империя далеко. А Кальдир — вот он. И в Кальдире, друг мой, за слова «я заберу твоего барда» принято отвечать не только перстнем, но и зубами. Которых у тебя, я смотрю, не хватает.

Гость моргнул. Впервые за вечер в его пустых глазах мелькнуло что-то похожее на эмоцию — легкое раздражение. — Ты играешь с огнем, артист. — Я им греюсь, — пожал плечами Аскелад. — Так с чем пришел Сенат? Тарквин соскучился по моим колыбельным? Передай его Беспощадности, что я больше не пою колыбельные. От них у детей портится характер, они начинают думать, что весь мир должен им аплодировать.

— Сенат, — медленно произнес гость, — обеспокоен твоим возвращением в Доминион. Пять лет назад ты покинул Золотые Палаты. Ты должен был сгнить в какой-нибудь канаве.

Вместо этого ты всплываешь здесь, в самом жирном борделе столицы, и, по слухам, снова начинаешь... сеять сомнения. — Я лишь помогаю людям быть честными с самими собой, — Аскелад театрально прижал руку к груди. — Это богоугодное дело. — Это государственная измена, — отрезал посланник. — Твои слова — кислота, бард. Ты льешь ее на связи, которые плетутся годами. Герцог Вельдский вчера выставил свою жену из дома после того, как посетил твой «Сад». Она призналась ему в связи с садовником. Садовника повесили, герцог пьет в одиночестве, а казна не досчиталась налогов с его земель, потому что он забыл их подписать. Это не честность. Это саботаж.

Аскелад перестал улыбаться. Он наклонился вперед, опираясь руками о стол Изольды, и оказался лицом к лицу с посланником. — Герцог Вельдский — трусливая вошь, которая прикрывалась юбкой жены, чтобы не платить по счетам. Я просто помог ему найти яйца, которые он потерял еще в колыбели. Если Сенат так печется о стабильности, может, стоит начать с того, чтобы посадить на цепь своих собственных псов?

— Хватит, — голос гостя впервые набрал силу, и в нем лязгнул металл. — Я не уполномочен вести с тобой теологические споры. У меня есть приказ. Ты пойдешь со мной. Либо добровольно, и тогда мадам Изольда сохранит свою лицензию. Либо в цепях.

Он начал подниматься.

Аскелад выпрямился. Его янтарные глаза потемнели. Он не боялся смерти, но он действительно любил комфорт, а цепи в имперских подземельях комфортом не отличались.

— Ты совершаешь ошибку, — тихо сказал Аскелад.

Посланник усмехнулся, вытаскивая из-под плаща короткий имперский стилет. — Ошибку совершают те, кто верит в силу красивых слов против стали.

Он бросился вперед. Движение было быстрым, отточенным — так нападают люди, привыкшие убивать в тесных переулках. Стиллет метнулся к солнечному сплетению Аскелада.

Бард не стал доставать оружие. Он даже не отступил. Он просто сместился в сторону на полшага, пропуская клинок мимо себя, и поймал руку посланника за запястье.

Это была не борьба силачей. Это был танец. Аскелад использовал инерцию противника, разворачивая его вокруг своей оси. Посланник потерял равновесие, его плечо хрустнуло в суставе, когда Аскелад резко вывернул захваченную руку. Стиллет выпал из ослабевших пальцев и со звоном упал на ковер.

Аскелад мог бы сломать ему шею одним движением. Но убийство в кабинете мадам Изольды — это дурной тон. Это вредит бизнесу.

Поэтому он просто ударил.

Кулак Аскелада впечатался в висок посланника. Удар был не сильным, но точным — в ту точку, где череп соединяется с позвоночником. Глаза гостя мгновенно остекленели, ноги подкосились, и он мешком осел на дорогой ковер из восточного шелка.

Аскелад брезгливо вытер руку о полу своего черного камзола. — Неуклюже, — констатировал он, глядя на распростертое тело. — Совсем не изящно.

— Ты убил его? — голос Изольды прозвучал ровно, но в нем чувствовалось напряжение.

Аскелад присел на корточки, пощупал пульс на шее посланника и удовлетворенно хмыкнул. — Жив. Просто решил вздремнуть. Очнется через час с чудовищной головной болью и сломанной рукой. Будет хорошим напоминанием для Сената, что Золотой Голос умеет не только петь.

— Это не напоминание, Аскелад, — Изольда поднялась из-за стола. Ее движения были плавными, но лишенными всякой женственности — так двигается уставший палач. — Это объявление войны. Сенат не прощает унижений. Особенно от таких, как ты.

Она подошла к столу и дернула за шелковый шнур звонка. Где-то в глубине дома тихо звякнул колокольчик. — Риз! — крикнула она в темноту коридора. — Тащи этого мешок с

костьми в ледник. И проследи, чтобы его стилет упал в канал. Если Сенат спросит, он ушел отсюда сам, и был живее всех живых. Поняла?

Невидимая в тени служанка что-то утвердительно пискнула. Двое вышибал из числа бывших легионеров, дежуривших за дверью, вошли в кабинет, молча подняли бесчувственное тело и унесли прочь.

Изольда вернулась к своему креслу, но садиться не стала. Она подошла к Аскеладу. — Ты порезан, — сказала она, указывая на его левый бок.

Аскелад опустил взгляд. В пылу короткой схватки он не заметил, как лезвие посланника все же скользнуло по его ребрам. Камзол был рассечен, и по белоснежной коже, смешиваясь с каплями остывшей воды после ванны, медленно стекала тонкая струйка крови. Рана была поверхностной, но глубокой — сталь вспорола верхние слои мышц.

— Ерунда, — отмахнулся Аскелад, инстинктивно прижимая ладонь к порезу. — Заживет до свадьбы. — До чьей? — уголки губ Изольды едва заметно дрогнули. — Твоей? Ты слишком часто играешь со смертью, бард. Она может решить, что ты ей должен.

— Я задолжал только Императору, — криво усмехнулся Аскелад. — И он прислал за долгом своего самого нерасторопного курьера.

Изольда тяжело вздохнула. Она подошла к высокому резному шкафу, открыла его и достала медный поднос. На нем лежали глиняные чаши, пучки сушеных трав, источающих резкий, медицинский запах, и флакон из мутного стекла с густой темной жидкостью.

— Садись, — кивнула она на низкую кушетку, обитую кожей, стоявшую у камина. — И сними этот дурацкий камзол. Ты истекаешь кровью на мой ковер, а он стоит дороже, чем твоя свобода.

Аскелад подчинился. Он сбросил камзол на пол, оставшись в одной тонкой льняной рубашке, которая тут же прилипла к телу. Он лег на кушетку, закинув руки за голову, и посмотрел на Изольду снизу вверх.

— Ты злишься, — сказал он. — Не потому, что Сенат прислал убийцу. А потому, что я испортил твой вечер. — Я злюсь, — Изольда налила в глиняную чашу воды из кувшина и поставила ее на жаровню с углями, — потому что ты идиот. Ты мог убить его тихо. Укол в шею, парализующий яд. Никто бы не нашел тело до сезона дождей. Но тебе нужно было показать зубы. Зачем? Чтобы потешить свое эго?

Она взяла ступку и пестик, бросив туда горсть сухих листьев. Запахло горечью. — Я не люблю, когда в моем доме убивают людей, Аскелад. Это привлекает внимание городской стражи. Стража задает вопросы. Вопросы привлекают внимание Империи. А внимание Империи — это чума, от которой нет лекарства.

— Кроме твоего, — заметил Аскелад, наблюдая, как она методично растирает травы в пыль. — Ты ведь не просто мадам, Изольда. Ты варишь не только приворотное зелье для скучающих купчих.

Изольда замерла со ступкой в руках. Она медленно подняла на него свои глаза. И Аскелад впервые по-настоящему увидел их цвет. Они не были карими. Они были цвета старого, мокрого дерева, цвета осенней грязи, цвета застоявшейся воды в канале. Глаза человека, который слишком долго смотрел на чужую боль.

— Не говори о том, чего не понимаешь, — тихо сказала она.

Вода в чаше закипела. Изольда заварила травяную пыль, добавила туда несколько капель из мутного флакона. По комнате поплыл сладковатый, дурманящий аромат, от которого слегка закружилась голова. Это была не магия Огненного Круга, не те фокусы, что показывают на ярмарках. Это была древняя, темная алхимия плоти.

— Подними руку, — приказала она.

Аскелад повиновался. Изольда опустилась на колени перед кушеткой. Ее движения были лишены всякого кокетства. Она действовала как ремесленник. Она взяла чистую льняную тряпицу, обмакнула ее в горячую, дымящуюся чашу и отжала.

— Будет больно, — предупредила она. — Я люблю боль, — усмехнулся Аскелад. — Она напоминает, что я все еще жив.

Она не ответила. Одним резким движением она стерла кровь с его бока. Рану зашипало от горячего настоя. Аскелад стиснул зубы, но не издал ни звука.

Изольда отбросила грязную тряпицу и взяла другую, сухую. Затем она зачерпнула пальцами из маленькой баночки густую мазь, пахнущую медом и чем-то металлическим.

Ее пальцы были холодными.

Она начала втирать мазь в порез. Движения были сильными, уверенными, лишенными всякой нежности. Она не гладила — она работала, вправляя края плоти, останавливая кровь, заставляя сосуды сжиматься.

Аскелад смотрел на ее склоненную голову. В свете камина ее волосы, обычно собранные в строгий, безукоризненный пучок, выбились из прически. Тонкие, цвета старого золота пряди упали на щеку. Под глазами, которые он назвал «печальными», залегли глубокие тени.

— Ты устала, — тихо сказал он. Его голос потерял свою обычную бархатную громкость, став почти шепотом.

Изольда не подняла головы, продолжая втирать целительный состав. — У меня был тяжелый день, — ровно ответила она. — Сначала ты устроил бунт в зале, едва не спровоцировав поножовщину. Потом ты сломал руку агенту Сената в моем кабинете. А теперь ты еще и кровоточишь на мою кушетку. Да, Аскелад, я чертовски устала.

— Ты устала задолго до моего прихода, — он чуть повернулся на бок, чтобы ей было удобнее, и поморщился от жжения в ране. — Ты управляешь империей греха, Изольда. Ты считаешь деньги, утешаешь плачущих шлюх, отшиваешь пьяную стражу. Ты видишь человеческую грязь каждый день. Но ты не стала грязной. Это... утомляет.

Ее пальцы на мгновение замерли. Она подняла на него взгляд. В ее «печальных» глазах не было ни благодарности, ни раздражения. Только бесконечная, вселенская скука. — Не пытайся со мной играть, бард. Твои трюки работают на тех, кто хочет обмануться. Я — не хочу. Я вижу людей насквозь. Я видела, как рождаются дети, и видела, как их вырезают из чрева мертвых матерей во время осады. Я сращивала кости, торчащие из мяса, и вытаскивала наконечники стрел из глазниц. Твоя царапина на ребрах для меня — не более чем комариный укус. Не пытайся превратить меня в одну из твоих восторженных дур из зала.

— Я не вижу в тебе дуру, — мягко возразил Аскелад. — Я вижу руины.

Изольда нахмурилась, ее пальцы снова заработали, нанося последний слой мази. — Что ты несешь? — Красивые, величественные руины, — продолжил Аскелад, не отрывая взгляда от ее лица. — Знаешь, почему я никогда не пытался уложить тебя в постель, хотя мог бы? Не потому, что ты мадам, и не потому, что ты меня отшила бы. А потому, что я боюсь там увидеть то же, что вижу сейчас.

Она закончила с мазью и взяла длинный бинт из чистого хлопка. — Закрой рот, Аскелад. Дыши ровно, пока я затягиваю повязку. Если разойдутся швы, я зашивать тебя не буду. Оставлю как есть, будешь ходить со свистящим боком.

— Ты прячешься, — не унимался он, подчиняясь и делая ровный вдох. — За этими счетами. За этой строгостью. За маской женщины, которой на все плевать. Ты прячешь свою красоту, Изольда. Ты ее боишься.

Она туго затянула бинт вокруг его торса, завязала узел и резко обрезала лишнее ножом для бумаг. — Моя красота, — сказала она, вставая и вытирая руки о фартук, — это инструмент. Такой же, как твой голос. Когда шлюха красива, она стоит дороже. Когда мадам красива, с ней

опаснее спорить. Я не прячу ее. Я использую ее как щит. И я очень не люблю, когда такие, как ты, пытаются этот щит пробить своими сладкими речами.

Она отошла к столу, чтобы вымыть руки в медном тазу.

Аскелад сел на кушетке. Рану стянуло, жжение начало сменяться приятным теплом — мазь работала, магия внутри нее буквально сшивала плоть. Он провел рукой по повязке. — Ты видишь во мне оружие, — сказал он. — Имперское. Опасное. То, которое нужно сдать в ломбард или выбросить в море. — Я вижу в тебе стихийное бедствие, — бросила Изольда через плечо, не оборачиваясь. — У стихийных бедствий нет цены. Но за ними всегда приходят трупы.

— А я вижу в тебе женщину, которая держит на своих плечах весь этот проклятый город, — Аскелад поднялся. Его движения стали плавными, текучими. Он подошел к ней сзади. Он не касался ее, но встал так близко, что она чувствовала тепло его тела спиной. — Ты лечишь их тела, Изольда. Я лечу их души. Мы с тобой делаем одну и ту же грязную работу. Только ты потом отмываешь руки щелоком, а я — вином.

Изольда закрыла глаза. Ее плечи едва заметно напряглись. — Отойди от меня, Аскелад. — Ты посылаешь меня на смерть, — прошептал он ей на ухо. — Ты знаешь, что Сенат не оставит это так. Они пришлют не одного дурака со стилетом. Они пришлют убийц, против которых твоя мазь будет бессильна. Против которых бессилён даже мой голос.

— Я дала тебе крышу, — она открыла глаза и посмотрела на его отражение в медном тазу. — Я дала тебе работу. Я не обязана умирать за тебя. — А я не прошу умирать, — Аскелад обошел ее, прислонился к столу напротив, скрестив руки на груди. — Я прошу тебя посмотреть на меня. По-настоящему. Не как на клиента. Не как на угрозу.

Он смотрел на нее своим янтарным, гипнотическим взглядом. Но сейчас в этом взгляде не было попытки манипуляции. Была лишь странная, почти детская уязвимость, которую он позволял себе показывать только самым мертвым душам. — Сними свою маску, Изольда. Я знаю, она там. Под слоем усталости. Под слоем этой вечной брезгливости к миру.

Изольда молчала долго. Секунды тянулись, как смола. Она смотрела на него, и в ее «печальных» глазах впервые за весь вечер что-то дрогнуло. Что-то живое. Что-то раненое.

— Ты не понимаешь, чего просишь, — наконец сказала она. Ее голос стал тише, потеряв свою металлическую жесткость. — Ты хочешь увидеть то, что я похоронила десять лет назад. — Я хочу увидеть, почему целительница с такими руками — руками, которые могут вытащить человека с того света — предпочитает перебирать счета в кабинете, пропахшем отчаянием.

Она вдруг шагнула к нему. Аскелад ожидал пощечины. Или удара. Или того, что она закричит и позовет вышибал.

Но Изольда сделала то, чего он никак не мог предвидеть.

Она положила свои холодные, пахнущие медом и полынью ладони ему на грудь, прямо поверх повязки. Ее пальцы впились в ткань его рубашки.

— Ты хочешь знать, бард? — прошептала она, и ее глаза, сухие и огромные, оказались в дюйме от его лица. — Хорошо. Смотри.

Аскелад замер. Он ожидал ментальной атаки, попытки прочитать его мысли. Но Изольда не была менталистом.

Она просто позволила ему увидеть.

Ее плечи затряслись. Из горла вырвался звук, похожий на всхлип, но это не был плач. Это был звук ломающейся плотины. — Мне было девятнадцать, — ее голос сорвался, стал хриплым, чужим. — Я была лучшей ученицей Магистрата Исцеления. Меня ждала кафедра в Императорской Академии. Я должна была лечить принцесс.

Она закрыла глаза, прижимаясь лбом к его груди, цепляясь за него, как утопающий за обломок мачты. — Началась осада Кальдира. Южные Ворота пали. Резня шла три дня. Меня притащили в подвал ратуши. Там было двести человек. Женщины. Дети. Старики. Легионеры,

предавшие присягу, и те, кто остался верен. Они умирали от гангрены, от сепсиса, от болевого шока. У меня были руки. У меня была сила. Но у меня не было чистых бинтов. Не было воды. Не было света.

Аскелад стоял неподвижно, боясь спугнуть это мгновение. Его знаменитый язык, способный развязать язык любому мертвецу, вдруг стал ватным. — Я резала их ножом для хлеба, — продолжала Изольда, и по ее щекам, наконец, покатались слезы — горячие, злые. — Я прижигала раны раскаленным железом от их же факелов. Я держала на руках мальчика, которому крыса отъела ногу, и смотрела, как он синеет от лихорадки, потому что у меня не было даже полыни, чтобы сбить жар. Я отдала ему свою порцию воды. Он умер через час. А я осталась жить.

Она отстранилась. Ее лицо было мокрым, нос покраснел, губы дрожали. Вся маска холодной, циничной хозяйки борделя рассыпалась в прах, обнажая голую, кровоточащую душу. — Я выжила, Аскелад. А они — нет. И знаешь, что самое страшное? Когда резня закончилась, когда пришли имперские легионы... я не почувствовала облегчения. Я почувствовала... пустоту. Оказалось, что я лечила их не для того, чтобы они жили. Я лечила их, чтобы самой не сойти с ума от криков. Я использовала их боль как заглушку для своей собственной.

Она горько рассмеялась, вытирая слезы тыльной стороной ладони. — Поэтому я здесь. В этом борделе. Среди этой грязи. Здесь никто не ждет от меня чудес. Здесь никто не умирает у меня на руках с надеждой в глазах. Здесь платят золотом, а не кровью. Твоя царапина... она заживет. И ты уйдешь. А я останусь. И буду считать монеты. Потому что монеты, бард, не смотрят на тебя с немим укором, когда ты не можешь их спасти.

Она стояла перед ним — сломленная, растрепанная, с размазанной по щекам пудрой, бесконечно прекрасная в своей абсолютной, неприкрытой человечности.

Аскелад медленно поднял руку. Он не пытался ее обнять. Он просто осторожно, самыми кончиками пальцев, стер слезу с ее щеки.

— Ты не богиня, Изольда, — тихо сказал он. — Ты не мраморная статуя. Ты — женщина, которая прошла через ад и отказалась там остаться.

— Не смей... — начала она, но голос сорвался. — Я не смею? — он чуть наклонил голову. — Я смею всё. Я смею смотреть на тебя и видеть не руины. Я вижу крепость. Стену, которая выдержала удар, от которого трескаются горы. Твои глаза печальны не потому, что ты слаба. Они печальны, потому что ты слишком много помнишь.

Он наклонился еще ниже. Их дыхание смешалось. — Твоя усталость, Изольда... это не старость. Это броня. Самая прочная броня в Кальдире. Но под ней... под ней я вижу ту девятнадцатилетнюю девочку из Академии. И она смотрит на меня так, будто я — следующий пациент, которого она не сможет спасти.

— Ты не пациент, — прошептала она. — Ты яд. — Возможно, — улыбнулся Аскелад. — Но даже яд иногда используют как лекарство.

Он коснулся ее губ.

Это не был поцелуй соблазнителя. В нем не было напора, не было игры, не было того гипнотического дурмана, которым он сводил с ума половину Империи. Это был поцелуй человека, который касается хрупкой, редкой вещи, боясь ее разбить.

Изольда не ответила на поцелуй. Она стояла неподвижно, позволяя ему делать то, что он хочет. Ее руки все еще лежали на его перевязанном боку, чувствуя сквозь повязку ровное, сильное биение его сердца.

Аскелад отстранился. Он не отпускал ее взгляда. — Я не буду обещать тебе луну с неба, — сказал он. — Я не буду клясться в вечной любви. Я — Аскелад. Я уйду, как только запахнет жареным. Я разобью еще десяток сердец, прежде чем мое собственное догонит меня.

Он провел костяшками пальцев по ее мокрой щеке. — Но сегодня ночью, когда ты закончишь считать свои монеты и закроешь гробсбухи... я буду в комнате наверху. И если ты захо-

чешь, чтобы кто-то просто держал тебя за руку, пока ты вспоминаешь того мальчика и крысу... тебе не придется платить за это золотом.

Он отступил на шаг, разрывая их близость. — А теперь, если ты закончила плакать, мадам, — его голос снова обрел привычные бархатные, насмешливые нотки, — я бы хотел получить свой ужин. Рана затягивается, но на пустой желудок исцеление идет медленнее. И, пожалуйста, без полыни. От нее у меня портится настроение.

Изольда смотрела ему вслед, пока он шел к двери. Ее лицо было мокрым, но внутри, там, где десять лет жила только выжженная пустыня, что-то болезненно, мучительно дрогнуло.

Она коснулась своих губ подушечками пальцев. Они все еще горели.

— Чтоб тебя разорвало, бард, — прошептала она в пустоту кабинета, когда дверь за ним закрылась.

Но в ее голосе не было злости. Только глухая, обреченная нежность женщины, которая только что позволила незнакомцу заглянуть в свою могилу и обнаружила, что он не отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.